

Научная статья

УДК 373.5.016: 811.512.31

DOI 10.18101/3033-1310-2025-1-31-38

**Семантика частиц в современном бурятском языке
(на материале повести Ц.-Д. Хамаева «Ута намарай сэсэг»)**

© Цыденова Александра Вячеславовна

магистрант 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

tsydenovasasha@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье изучены особенности семантики и функционирования частиц в современном бурятском языке. В качестве материала исследования был использован текст повести Цырен-Дондока Хамаева «Ута намарай сэсэг». Для достижения поставленной цели были применены различные методы лингвистического анализа, в том числе статистический и семантический анализ языкового материала, позволяющий выявить особенности употребления частиц и их функциональную нагрузку. Теоретическая часть работы основана на трудах выдающихся бурятских ученых: Г. Д. Санжеева, Д. Д. Дугар-Жабона, Д. Д. Амоголонова, Л. Д. Шагдарова, Ц. Ц. Цыдыпова и др. В статье выявлено, что частицы играют значительную роль в передаче смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков речи. Они могут выражать широкий спектр значений, включая желание, сожаление, сомнение, раздумье, уверенность и другие модальные значения. Также установлено, что частицы способны подчеркивать подлинность высказывания, обозначать отношение говорящего к передаваемой информации, придавать эмоциональную окраску и уточнять смысловые нюансы фраз. Кроме того, проведенный анализ позволил выделить частотность употребления различных частиц в текстах художественного стиля. Установлено, что наиболее часто встречаются частицы, передающие оттенки сомнения и раздумья, что объясняется спецификой повествования и особенностями бурятского языка, в котором модальные частицы играют важную роль в построении фраз и выражении субъективного отношения говорящего. Таким образом, исследование подтверждает значимость частиц в системе бурятского языка, их важную роль в передаче эмоционально-экспрессивных значений, а также в структурировании речевых высказываний. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения модальности и семантики бурятского языка, а также для составления учебных пособий по бурятскому языку и стилистике.

Ключевые слова: бурятский язык, частицы в бурятском языке, функции частиц, семантика.

Для цитирования

Цыденова А. В. Семантика частиц в современном бурятском языке (на материале повести Ц.-Д. Хамаева «Ута намарай сэсэг») // Бурятский язык и литература в школе. 2025. Вып.1. С. 31–38.

Введение. Частицы в бурятском языке относятся к служебным частям речи, к ним относятся послелого, союзы, модальные слова, междометия и звукоподражания. Вместе с тем это часть речи со своей семантикой, с особыми морфологическими признаками, выполняющие в предложении специфические функции: частицы, как правило, понятий не выражают, не выполняют номинативной

функции, выражают различные отношения между явлениями объективной действительности или передают различные эмоции, не имеют морфологических категорий, не являются членами предложения. Они служат для связи слов в предложении, вносят в слова и предложения различные семантические, синтаксические оттенки. Другой особенностью этих частей речи является отсутствие у них морфологических категорий и полная их неизменяемость. Г. Д. Санжеев дает следующее определение: «Частицы — это такие неполновесные «слова», которые лишь придают другим словам тот или иной оттенок: вопросительный, утвердительный, отрицательный, усилительный и т. д.». [3] К вопросительным частицам относятся *гү* и *бэ* (-6). Частицами утверждения, усиления и т. д. являются *даа*, *шуу*, *ха*, *лэ*. К отрицательным частицам относятся *үлэ*, *эһэ*, *бү*.

Со второй половины XX в. началась новая веха в теоретическом изучении бурятского языка. Вышла в свет работа Д. Д. Амоголонова, была выпущена Академическая грамматика бурятского языка, появился учебник для педагогических училищ Л. Д. Шагдарова в соавторстве с Д. Д. Дугар-Жабоном [6, с. 239].

Д. Д. Амоголонов определил в качестве частиц больше слов, чем предыдущие авторы, показал их классификацию, а также впервые выделил личные частицы.

Была опубликована работа Ц. Ц. Цыдыпова «Морфология бурятского языка», которая представляет собой значительное теоретическое достижение в изучении грамматического строя бурятского языка. В ней выделено 12 частей речи, в том числе частица рассматривается как отдельная самостоятельная часть речи.

В разделе «Служебные части речи» частицы выделены отдельно и охарактеризованы следующим образом: «Частицы — служебная часть речи, которая не имеет самостоятельного лексического значения и бытующая самостоятельно вне лексического окружения» [4, с. 239]. Ц. Ц. Цыдыповым выделена следующая классификация частиц:

частицы логического ударения: *-л*, *лэ*;

желательная: *хай*;

уступительная: *-шьё*;

утвердительные: *даа*, *ха*, *бишуу*, *һэн*, *бэлэй*, *гээшэ*;

отрицательные: *бү*, *-гүй*, *бэшэ*;

вопросительные: *гү*, *аал*, *бээ*, *аабза*, *аа гү*, *алтай*, *хаяа*, *бы*;

личные: *бы*, *-б*, *-м*, *-бди*, *-мди*, *-бибди*, *-ши*, *-ш*, *-та*, *-т*;

В работах Ц. Ц. Цыдыпова, Д. Д. Амоголонова мы обнаруживаем довольно полную, обоснованную картину представления частиц бурятского языка, а также их этимологию.

Новые поиски и глубокие теоретические исследования по всем вопросам грамматического строя бурятского языка, начатые бурятским лингвистами, продолжаются, так как серьезное теоретическое разрешение многих проблемных вопросов может быть осуществлено лишь благодаря глубоким исследованиям истории развития бурятского языка, изучению его грамматического строя в различных аспектах, с привлечением всей совокупности грамматических явлений не только бурятского, но и родственных ему других монгольских языков.

Более детальным и глубоким исследованием частиц в бурятском языке занималась Г. Д. Будаева. Результаты ее лингвистических исследований представлены в монографии «Частицы в бурятском языке».

А. В. Цыденова. Семантика частиц в современном бурятском языке (на материале повести Ц.-Д. Хамаева «Ута намарай сэсэг»)

Основная часть. В повести Ц.-Д. Хамаева «Ута намарай сэсэг» нами выделено всего 650 случаев использования частиц. Как показал анализ языкового материала, достаточно много частиц встречается в диалогических текстах. Результаты статистического анализа показали следующую группировку по отдельным категориям частиц бурятского языка (табл. 1).

Таблица 1

Статистический анализ использования частиц
в тексте повести Ц.-Д. Хамаева «Ута намарай сэсэг»

Классификация частиц	Примеры применения частиц	Количество	Всего
Личные	би (-б -м) бди (-мди) ши (-ш)	102 23 6	131
Вопросительные	гү бэ- аал алтай ааб аалам	43 23 9 4 18 3	100
Отрицательные	-гүй бү -дүй үгы	45 9 6 5	65
Уступительная	-шье	40	40
Выделительная	-л лэ	23	23
Предположительная	бэээ ха	12 46	58
Утвердительная	юм даа бэлэй hэн	51 62 2 38	153
Условная	haa	26	26
Желательная	хай	2	2

Как показывают данные таблицы 1, наиболее часто в диалогических текстах используются личные частицы.

Всего в повести обнаружен 131 случай использования личных частиц. При этом самой частотной частицей является личная частица 1-го лица единственного числа *-би* (*-б*, *-м*). Выделено 102 случая употребления данной частицы.

На втором месте по частотности выделено применение личной частицы 1-го лица мн. ч. *-бди* (*-мди*). Что интересно, по сравнению с частицами 1-го лица гораздо меньше случаев использования личных частиц 2-го лица. Так, например, частица 2-го лица единственного числа *-ши* (*-ш*) встречается всего 6 раз.

Примеры: *Бусалхан уһандал буйлуулаад асаржа үгэлши*. Наблюдается вежливое обращение с помощью частицей *-ши*. [5, с.18].

Мунөө оюулха гүш? [5, с. 22]. Вопросительная частица *гү* с личной частицей *-ш* придает оттенок обращения к собеседнику [5, с. 22].

*За-а, түхээрхэ болоол**ии** даа.* Частица **-ии** в данном предложении с утвердительной частицей *даа* выражает утверждение с включением оттенка вежливости к собеседнику [5, с. 22].

Редкое использование частиц 2-го лица свидетельствует о том, что в диалогической речи эти частицы зачастую опускаются, поскольку нет необходимости подчеркивать лицо собеседника в диалоге. Поэтому реплики, обращенные к собеседнику, очень часто формулируются без личных частиц. Например: *Сэсэгма, юу эдихэ дурадай?* [5, с. 24].

Кроме того, как показывает анализ материала, в репликах, обращенных к собеседнику, зачастую используются формы обращения глаголов к определенному лицу.

Например: *Аба, халуун сай **уугты**. Хүлээжэ **байгаарай*** [5, с. 17].

Вопросительные частицы также очень активно употребляются в тексте. В повести всего обнаружено 100 вопросительных частиц. Из них наиболее часто употребляется частица *гү* — выделено 43 случая употребления. Частица *гү* представляет собой активно функционирующую вопросительную частицу, выражающую значение прямого или косвенного вопроса.

Например: *Гэрюун бэшэ **гү**? Хоёроо аняаш **наа**, гэртээ аняашам дээрэ бэшэ **гү** даа. Халуудаһандаа сээжсээ **сэлиһэн аад**, **һэб-һаб** гээ **гү**, **яагааб даа**, **шангаар найтаажархиба*** [5, с. 19].

На втором месте по частотности выделено употребление частицы *бэ (-б)*. Она используется в тексте повести в 23 примерах. Частица *ааб* и *аал* в отличие от других вопросительных частиц используется не так часто — 13 случаев.

Например: *Юун гэжэ хэлэхэнь **ааб** гэжэ бүхы анхаралаа тэрээндэ хандуулна. Хэзээ суглаан болохо **ааб**?* [5, с. 28].

Как показывает языковой материал, частица *ааб* чаще всего сочетается с частицей *даа*: *Талын **ааб даа**. Дүүрээ **ааб даа*** [5, с. 21, 27]. Частица *аал* имеет ограниченное употребление, как правило, она помогает выразить вопрос с оттенком сомнения: *Дуутай шуутай юм **аал**? Аршалхая ябааб гэхэшини **аал**?* [5, с. 35].

Наиболее редко используются частицы *алтай* и *аалам*. В тексте повести частица *алтай* встречается в 4 случаях, а частица *аалам* — в 3 случаях. Частица *аалам* сочетается с глаголами и выражает предположение с оттенком подчеркивания вероятности, возможности: *Хүлээгыш, юуни үгы боложо **аалам**. Үбшэнинь бууража, һайнишь болоно **аалам** даа.*

Употребление отрицательных частиц в тексте повести выявлено в 76 случаях. Из них в 45 примерах наблюдается использование отрицательной частицы *-гүй*. Как правило, частица *-гүй* выражает отрицательное значение слова, с которым сочетается.

Например: *Мини ууха дурам**гүй**, ши уугаад орхи. — Ялалзан байһан нэгэшье одо мүшэд хаанашье харагдана**гүй**. Сэнхир хүхэ огторгойдо нэгэшье үүлэг**гүй*** [5, с. 16].

На втором месте по частотности находится отрицательная частица *бү* — выделено 8 случаев. Частица *бү* выражает значение полного отрицания, запрет на совершение действия.

Например, *Но-о... аба, **бү** наадала... Аба, **бү** мэндэгты.* Кроме того, эта частица может придать высказыванию значение неопределенности: *Хэды шэнээн соо Сэсэг һуугаа юм, **бү** мэдэе* [5, с. 16, 22].

Частица *-дүй* употребляется в тексте повести в 6 случаях. Частица *-дүй* сочетается с причастиями прошедшего времени и соответствует обычно русским сочетаниям *пока не, еще не*: *үхэр малаа дулаан байрадань оруулаадүй байнабди. Наран ороодүй байна.*

Наименее употребительной отрицательной частицей в тексте повести является частица *үгы*, которая употребляется всего в 5 случаях.

Примеры: *Гомдохо гомдол үгы даа. Үшөө үдэшэ болгоно гүб даа, али үгы гү... Үгы, яахаи гээшэб* [5, с. 24, 25, 36].

Уступительная частица *-шье* употребляется довольно-таки часто — в тексте встречается в 40 случаях. Как показал анализ материала, частица *-шье* в сочетании с различными частями речи, а также формами глаголов может передавать разные значения. Так, частица *-шье* в сочетании с глаголами изъявительного наклонения выражает предположительное условие. Например: *Һанаан байбашье, һоёо хүрэнэгүй.* С причастиями эта частица выражает усиление с оттенком убеждения собеседника. Например: *Би Александр Сергеевиче хамгаалхашье, муушалхашье зорилготой бэшэб.* С глаголом прошедшего времени выражает уступительное значение с оттенком безразличия. Например: *Буудаашье һаа намайе буудагты.* С деепричастиями *-шье* передает усилительное значение. Например: *Магад, хэзээ нэгэтэ жаргал үзэжэшье болохобди.*

Использование частиц с местоимениями придает высказыванию оттенок неопределенности. Например: *Гэнтэ хэншьеб шангаар хаихарба.*

С наречием выполняет усилительную функцию. Например: *Аламжын зүрхэн бүришье сохижо эхилбэ.*

Изучение значения частицы *-шье* в различном синтаксическом контексте является предметом дальнейших лингвистических исследований.

Использование выделительной частицы *-л (лэ)* в тексте повести обнаружено в 23 случаях.

Примеры: *Һайсахан лэ зобогдоо, эсэгдээ гээшэ ха. Теэд лэ зүрхэнинь...* [5, с. 12].

Что касается использования предположительных частиц, то в тексте выделено 58 случаев употребления. Среди предположительных частиц наиболее часто встречается частица *ха*, которая употребляется в повести в 46 высказываниях. Во всех случаях частица *ха* придает высказыванию оттенок предположения. Например: *Болигдоол байна даа, ондоо хүбшэ тайга гараха тухай һанаашалалташье үгы гээшэ ха.*

Үүлэгүй сэлмэг үдэр болохонь ха [5, с. 7] (выражает предположение, подчеркивающее вероятность хорошей погоды). *Болигдоол ха даа* [5, с. 8] (сочетание утвердительных частиц *ха* и *даа* выражает неуверенность говорящего в сообщаемой информации). *Мүнөө хабар болоо ха юм* [5, с. 2] (Сочетание утвердительных частиц *ха* и *юм* позволяет сделать небольшой вывод).

Второй по частотности является частица *бээ*, которая встречается в 12 случаях. Частица *бээ*, как правило, выражает предположение с различными оттенками модально-экспрессивного значения.

Примеры: *Бурханай хайраар лэ шадал соогоо ябагдаал гээшэ бээ* [5, с. 25] (выражает уверенное предположение). *Тиимэ бээ?* (выражает предположение с оттенком неполной уверенности).

Үни холын уулзаагүй аад, мартаа бээ. [5, с. 16] (выражает уверенное предположение, убежденность в вероятности действия).

Как показывают данные таблицы, наиболее часто используемым в диалогических текстах определяются утвердительные частицы. Всего в повести обнаружено 163 случая использования утвердительных частиц.

Частица *юм* и *даа* наиболее активно употребляются в тексте. Частица *юм* используется в 51 случае. Частица *даа* — в 62 случаях. Частица *юм* примыкает к причастиям прошедшего (*-аа*), будущего (*-ха*) времени с аффиксом *-даг*, *хан*; к именам и модальным словам.

При этом выражает констатацию факта, особое подчеркивание и усиление излагаемой мысли; подчеркивает подлинность высказывания в целях убеждения собеседника; выражает усиление излагаемой мысли, чтобы подкрепить высказанное осуждение и выразить свое недовольство. Что касается частицы *даа*, то она выражает утверждение, подтверждение мысли говорящего, а также передает predisposedness, доброжелательность к собеседнику.

Например: — *Яагаа ухаатай юм* [5, с. 1] (подчеркивает подлинность высказывания в целях убеждения собеседника, а также выражение удивления).

— *Хэзээ борбоосгой түүдэг юм?* [5, с. 1] (выражает оттенок прямого вопроса — здесь представлен не до конца оформленный специальный вопрос с помощью частицы *бэ*).

— *Хоёр дахин ургадаг юм аал?* [5, с. 1] (выражение удивления передает сочетанием двух утвердительных частиц *юм*, *аал*).

— *Мүнөө хабар болоо ха юм* [5, с. 2] (сочетание утвердительных частиц *ха* и *юм* позволяет сделать небольшой вывод).

— *Түлэг унажал байна гүбэ даа* [5, с. 2] (выражает утверждение, подтверждение мысли говорящего).

— *Юун болооб даа, аба?* [5, с. 3] (выражение вежливости по отношению к собеседнику, старшему по возрасту).

— *Ямар нэгэн баяр болоо гэшиэ алтай даа* [5, с. 3] (выражение вопроса-предположения с помощью частицы *алтай* в сочетании с утвердительной частицей *даа*. При этом доминирует значение вопросительной частицы).

Далее по частотности использования находится частица *хэн*, выделено 38 примеров с этой частицей. Частица *хэн* подтверждает действие, которое произошло до момента речи, т. е. в прошедшем времени.

Например: *Үдэшин боро хараан болоо хэн.* В сочетании с глаголом прошедшего времени на *-оо* она выражает повторное утверждение прошедшего действия.

Нэгэ бага үбдөө хэн. *Хүнүүд бултадаа шимэ байгаа хаа, хайн хэн.* В сочетании с прилагательными выражает уверенное предположение.

В отличие от остальных частиц *бэлэй* употреблено очень редко — всего два случая. В сочетании с глаголами она выражает прошедшее время: *Сэсэг хэн тээшээ харахан зандаа байгаа бэлэй* [5, с. 38] В сочетании с прилагательным — выражения желания: *Уулзаад, зугаалбатнай ехэл хайн бэлэй* [5, с. 12].

Условная частица *хаа* употреблена в тексте в 26 случаях. Частица *хаа* выступает в сочетании с глаголами для выражения значения условия, иногда с оттенком желания. Например: *Тиэхэдэ өөрөө алуулхан байгаа хаа, яһа амар ябаха*

байгаа. Ой гарадаг **haa** ямар гое хааб? Ехэдээл **haa**, хоер-гурба ааб даа. Саг ерээ **haa**, ерээ ааб даа [5, с. 27, 4, 7].

Желательная частица в повести встречается в двух случаях. Частица *хай* в сочетании с причастием выражает желание говорящего с оттенком раздумья, сожаления. Например: *Эдир нахамни, эхин дурамни эрьен дахинаа бусадаг **хай**. Бороогой урда ошогшо **хайш***. Частица *хай* сочетается только с причастными формами глагола и передает пожелание говорящего [5, с. 24].

Выводы. Как показал анализ языкового материала, частицы являются одними из активных языковых морфологических явлений, которые используются в текстах. Статистический анализ использования частиц выделил их наиболее частотные формы, а именно личные частицы *би* (*-б -м*), утвердительные частицы *юм* и *даа*, предположительную частицу *ха*, отрицательную частицу *-гүй*, вопросительную частицу *гү*.

Кроме этого, семантика частиц в различном синтаксическом контексте может изменяться, передавать различные оттенки значений. В частности, это касается функционирования утвердительных частиц. Утвердительные частицы могут изменяться и передавать различные оттенки значений.

Можно сказать, что изучение функционирования частиц в различных высказываниях, в различном синтаксическом окружении является предметом дальнейших лингвистических исследований по бурятскому языку.

Литература

1. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык: учебное пособие для вузов / М-во просвещения РСФСР. Улан-Удэ, 1958. 336 с. Текст: непосредственный.
2. Будаева Г. Д. Частицы бурятского языка как лексическое средство выражения модальности исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 91–100. Текст: непосредственный. Будаева Г. Д. Частицанууд тухай. Вопросы бурятской филологии. Улан-Удэ, 1991. С. 52–56. Текст: непосредственный. Будаева Г. Д. Частицы в бурятском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.16 / Будаева Галина Дамбаевна. 134 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/chastitsy-v-buryatskom-yazyke>. Текст:
3. Санжеев Г. Д. Синтаксис бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1940. 144 с. Текст: непосредственный. Санжеев Г. Д. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Москва: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с. Текст: непосредственный.
4. Цыдыпов Ц. Ц. Морфологический состав бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1958. С. 132–141. Текст: непосредственный. Цыдыпов Ц. Ц. Морфология бурятского языка. Улан-Удэ, 1988.
5. Хамаев Ц.-Д. Ута намарай сэсэг. 1981. 38 с. URL: <https://nomoihan.com/books/shene-eun-udkha-zokhyeol/3373/>
6. Шагдаров Л. Д., Дутар-Жабон Д. Д. Буряад хэлэн: учебное пособие для пед. училищ. Улан-Удэ, 1978; Шагдаров Л. Д., Дугаржабон Д. Д. Учебник для педучилищ. Улан-Удэ, 1986.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 14.03.2025.

Semantics of Particles in the Modern Buryat Language
(Based on the novella “Uta Namarai Seseg” by Ts.-D. Khamaev)

Aleskandra V. Tsydenova

2nd year Master Student

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia

tsydenovasasha@mail.ru

Abstract. The article studies the semantics and functioning of particles in the modern Buryat language. The study is based on the text of the novella “Uta Namarai Seseg” by Tsyren-Dondok Khamaev. To achieve the research objectives, various linguistic analysis methods were applied, including statistical and semantic analysis of linguistic material, which allowed for identifying the peculiarities of particle usage and their functional load. The theoretical foundation of the study is based on the works of prominent Buryat scholars such as G. D. Sanzheev, D. D. Dugar-Zhabon, D. D. Amogolonov, L. D. Shagdaron, Ts. Ts. Tsydypov, and others. The article establishes that particles play a significant role in conveying semantic and emotionally expressive nuances in speech. They can express a wide range of meanings, including desire, regret, doubt, reflection, confidence, and other modal values. It has also been found that particles can emphasize the authenticity of an utterance, indicate the speaker's attitude toward the conveyed information, add emotional coloring, and refine semantic nuances within phrases. Furthermore, the conducted analysis identified the frequency of various particles in literary texts. The study revealed that particles expressing doubt and reflection occur most frequently, which can be explained by the narrative style and the characteristics of the Buryat language, where modal particles play a crucial role in structuring sentences and expressing the speaker's subjective stance. Thus, the study confirms the significance of particles in the Buryat language system, their essential role in conveying emotional-expressive meanings, and their function in structuring speech utterances. The findings can be useful for further research on modality and semantics in the Buryat language, as well as for the development of educational materials on Buryat language and stylistics.

Keywords: Buryat language, particles in Buryat, functions of particles, semantics.

For citation

Tsydenova A. V. Semantics of Particles in the Modern Buryat Language (Based on the novella “Uta Namarai Seseg” by Ts.-D. Khamaev). Buryat Language and Literature in School. 2025; 1: 31–38 (In Russ.).

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 14.03.2025.